

ЭМОТИВНЫЙ СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ОПЕРАТОРЫ ЕГО ПОРОЖДЕНИЯ

Феномен смысла, являющийся исходным понятием рассуждений автора настоящей статьи, понимается как целостное многокомпонентное образование, некое «поле», в котором каждый отдельный компонент обретает определенность через соотношение со всеми другими. Иными словами, каждый элементарный смысл с необходимостью предполагает всю систему смыслов в целом: «смысловое целое» устроено таким образом, что за какой бы единичный смысл мы не «потянули», мы обязательно «вытянем» всю «сеть» взаимообусловленных смыслов.

Из представления о неоднородности смысла языкового знака логично вытекает идея о существовании конечного набора обязательных элементарных смыслов, всегда необходимо присутствующих в высказывании. Смысловым базисом, фундаментом любого высказывания является единство пропозиции и интенции, а на него надстраивается сложносоставный элемент – эмотивный смысл, представляющий собой неразделимую триаду оценочной, эмоциональной и реляционной составляющих.

Оценка присутствует как компонент смысла в любом высказывании, но имеет особенности выражения в разных типах речевых актов. Г.В. Колшанский писал в свое время: «Познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т.д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было

соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [6, с. 142].. Действительно, осваивая мир, человек выражает свое отношение к окружающей действительности и в его сознании актуализируется ценность ее объектов, в результате чего предмет мыслей получает ту или иную оценку в зависимости от отношения к нему. При этом понятие ценности касается не только положительной или отрицательной, но и нулевой значимости, поскольку исключение предмета из сферы интересов говорящего тоже имеет ценностное отношение.

Оценку можно определить как выражение значимости предметов и явлений окружающего мира для жизни и деятельности говорящего субъекта. При актуализации оценки ситуативный контекст «окружает» ее множеством факультативных элементов (выражение мнения, мотива оценки, ее интенсификация/деинтенсификация и др.), «расцвечивающих» ее различными нюансами, рождающих новые грани оценочного смысла. Однако наиболее важными остаются в любом случае обязательные конститuentы оценки (субъект, объект, основание и характер оценки), определяющие категорию объективного и субъективного в оценке, разделение оценки на общую и частную, рациональную и эмоциональную.

Субъективная оценка определяется как положительное или отрицательное отношение говорящего к ее объекту, а объективная оценка – как компонент, ориентированный на собственные свойства предметов или явлений – основания оценки. Общая оценка связана с категорией «хорошо/плохо», частная оценка субъективно уточняет отдельные аспекты этой категории. Оценка может сочетать в себе оба – объективный и субъективный – факторы: в случае, если субъективное отношение говорящего к оцениваемому объекту совпадает с объективной квалификацией последнего. Примером, демонстрирующим это положение, может служить высказывание *Die Suppe ist kalt*, в котором объективное состояние оцениваемого предмета (*kalt*) сочетается с косвенной субъективной оценкой, выносимой на основе конвенций (суп должен быть

горячим) и индивидуальной системы ценностей: *Kalte Suppe schmeckt nicht*. Очевидно, что оценочный смысл присутствует не только в собственно оценочных высказываниях с четко выраженным оценочным предикатом, но и в высказываниях «внешне» дескриптивных, но описывающих положение вещей, расцениваемое в наивной картине мира говорящих как хорошее или плохое.

С субъективностью/объективностью оценки логично связан вопрос о ее верифицируемости: считается, что оценка выполняет только функцию выражения, не являясь ни истинной, ни ложной. Однако, поскольку оценка является частью концептуальной системы носителя языка и, соответственно, опирается на принятую в данном культурно-языковом сообществе ценностную шкалу, то оценка всегда имеет общие основания (*Rauchen ist eine schlechte Gewohnheit, denn Rauchen schadet der Gesundheit*). С другой стороны, каждый говорящий – личность с собственным уникальным жизненным опытом – имеет собственную неповторимую систему мнений и ценностей. Значит, оценка относительна, зависит от субъективного восприятия действительности говорящим, и высказывания оценки могут быть истинными относительно индивидуального концептуального мира.

Выражение оценки, особенно индивидуальной, сопровождается актуализацией **эмоционального смысла**. Отправители и получатели высказываний оказываются носителями эмоций, возникающих, если оценка касается их интересов. Чем сильнее эти интересы затронуты, тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата;

В повседневной жизни человек, движимый эмоциями, не столько рассуждает, сколько чувствует, и не столько объясняет, сколько оценивает. Собственно когнитивные процессы, свободные от эмоциональных компонентов, занимают в обыденной жизни скромное место. По-видимому, в реальных процессах деятельности и во вплетенных в нее механизмах межличностного восприятия и самовосприятия «холодные» попытки

объяснения и понимания имеют меньшее значение, чем «горячие» акты оценок и переживаний. Когда же процессы когнитивного анализа и имеют место, то находятся под сильным и непрерывным влиянием эмоциональных факторов, вносящих свой вклад в их ход и результат. Эмоции мотивируют и окрашивают результаты деятельности человека, речевой в том числе, способствуют эмоциональному самовыражению говорящего, обнажению его эмоционального состояния и эмоционального отношения.

Об аффективности любого речевого акта говорил Ш. Балли, утверждая, что невозможно обратиться к человеку, не вложив в это обращение минимум эмоциональности, хотя бы в самой манере произносить его имя. Утверждение или отрицание никогда не выражаются абсолютно объективно; значит, любое «да» или «нет» становится эмоциональным в той мере, в какой для говорящего важно утверждение или отрицание чего бы то ни было [1, с. 33]. Действительно, общение, происходящее в наполненной эмоциями среде, делает любое высказывание не-нейтральным, «страсти души» определяют выбор языковых средств для реализации эмоционально-окрашенной интенции говорящего.

Выражение оценки и выражение эмоций рассматриваются учеными, как правило, в совокупности, без отрыва друг от друга [см., например, 2; 4; 8; 9]. Н.А. Лукьянова утверждает, что оценочность и эмоциональность не составляют разных компонентов значения, они едины, как неразрывны эмоции и оценки на внеязыковом уровне. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры оценки и эмоции совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо». При этом оценка как бы скрыта в эмоции, свернута в почку, разворачивается той или иной степени в конкретных высказываниях [7, с. 45]. Мнения многих других именитых ученых [см., например: 3, с. 95; 6, с. 140] подтверждают точку зрения о том, что эмоциональный и оценочный компоненты смысла априори присутствуют в любом высказывании, но отличаются степенью представленности, распределением функциональной нагрузки. Фактом остается при этом

настолько тесная спаянность оценки с выражением эмоций, что имеет смысл говорить о категории эмоциональной оценки – элементе, направленном на создание у слушателя эмоционального резонанса.

Третий компонент эмотивного смысла высказывания, который необходимо присутствует в любом высказывании, – **реляционный смысл**, не-нейтральное отношение говорящего к адресату. Этот элемент представляет собой неявное в смысле – неманифестируемый, скрытый компонент смысла, о котором слушающий может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах. Обосновывая наличие этого «слоя» в смысловом единстве высказывания, мы вновь обращаемся к мнению Ш. Балли, отводившего категории субъективности важную роль в своей лингвистической концепции. «Так, говоря с кем-то или о ком-то, я не могу забыть о тех особых (дружеских, семейных, неравноправных или официальных) отношениях, которые существуют между мной и этим человеком. Помимо собственной воли я думаю не только о воздействии, которое я хочу оказать на это лицо, но и о том, какое воздействие оно может оказать на меня. Я представляю себе его возраст, пол, общественное положение, среду, к которой он принадлежит, все эти соображения могут повлиять на выбор моих выражений и заставить меня избегать всего, что может прозвучать фальшиво, задеть, огорчить собеседника» [1, с. 35].

Очевиден факт, что при общении с различными партнерами мы (сознательно или бессознательно) пользуемся неодинаковыми языковыми средствами не только для того, чтобы выразить некоторое суждение, но и для того, чтобы дать партнеру понять, как мы относимся к предмету разговора, ситуации или к самому партнеру. Р. Келлер называет действие, которое состоит в выражении отношения, коллокуцией [10, с. 7] и придает ему статус самостоятельного действия, связанного с иллокутивным актом, но не являющегося его частью. Он считает, что коллокутивный акт, несмотря на обозначающий его термин, не играет принципиально подчиненную и менее

важную роль, чем совершаемый одновременно с ним иллокутивный акт. В некоторых случаях аспект отношений даже доминирует, например, при флирте, любовном шепоте или ссоре интенция всегда подчинена коллокации, являясь лишь средством выражения отношения. На наш взгляд, произнося любой речевой акт, говорящий руководствуется наличием или отсутствием почтения, уважения к адресату, теплым, интимным отношением к нему либо полным или частичным его неприятием: говорящий показывает партнерам, какую позицию по отношению к ним он занимает и как он намерен с ними общаться. Можно в какой-то мере идентифицировать реляционный компонент смысла с уважением – оценочной категорией, которая варьирует от максимального уважения, поклонения, до нулевой отметки (отсутствия уважения) и далее – до неуважения, презрения. Крайние точки на этой шкале отношения нагружены дополнительными эмоциональными значениями как любовь и ненависть, страх и насмешка [5, с. 71].

Для маркирования триединства эмотивного смысла высказывания язык располагает совокупностью самых разнообразных смыслопорождающих операторов, наиболее очевидными из которых являются специальный порядок слов и синтаксические структуры, свойственные только аффективной речи, безусловно, просодические особенности, и, конечно же, специфические лексические элементы. Эта совокупность средств связана отношениями сложного взаимодействия: некоторые синтаксические конструкции требуют определенного лексического наполнения, и наоборот, лексические элементы обуславливают порой синтаксическое построение высказывания, вызывают в жизнь специфические синтаксические конструкции.

Эмоционально-оценочная лексика. Наибольшим смыслопорождающим потенциалом обладают в немецком языке эмоционально-оценочные существительные, прилагательные и глаголы, представляющие собой целую систему тесно связанных между собой различного рода отношениями переменных. Они взаимодействуют, приписывая объекту положительные или

отрицательные черты, описывая положительные или отрицательные (частные или общие) впечатления, эмоциональное состояние, вызываемое объектом, отношение, субъективную обусловленность оценки. Взаимосвязанность эмотивных смысловых операторов проявляется, кроме прочего, во взаимозаменяемости отдельных элементов системы в общении (например, употребление инвективной лексемы в контексте общения друзей, влюбленных), что является одним из свидетельств речевой природы порождаемого смысла и, как следствие этого, невозможности жесткого закрепления за словом конкретного эмотивного маркера без одновременного введения необходимых пресуппозиций и коммуникативных правил употребления слова в речи.

Междометия. Языковая система имеет в своем арсенале специальное средство для выражения эмотивного смысла – междометия, класс неизменяемых лексических единиц, выполняющих дискурсивно-релевантные функции эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Междометия могут употребляться самостоятельно и конституировать эмотивную часть высказывания, как *I pfui!*, либо комбинироваться с номинативной частью, реферирующей к положению вещей, которое вызывает передаваемый междометием аффект и источник которого определяется номинацией: *Ach du mieses Schwein!* или *Oh du Glückspilz!* Такие высказывания имеют смысл только в том случае, если адресат высказывания является причиной боли, чувства отвращения, радости или подобных эмоций, испытываемых говорящим. Доказательством сказанному является возможность трансформации высказываний приведенного типа в полные, с эксплицированной предикативной частью, например, для высказываний с междометием *pfui* возможны варианты как *Pfui!, Pfui, Peter!, Pfui, ist das häßlich!, Pfui, dass du dich immer bepinkelst!*, при этом междометие выполняет функцию указателя причины аффекта говорящего. Удобство выражения смыслов посредством междометия состоит

именно в том, что можно что-то выразить, что нельзя передать словами, исходя при этом из того, что все другие поймут.

Важными моментами в функционировании междометий является, во-первых, их принципиальная комбинируемость только с определенными коммуникативными типами предложений, например, междометие *brr* не может употребляться в составе императивных предложений (**Brr zieh dir was Warmes an!*). Во-вторых, междометие оказывает преимущественное влияние на интерпретацию всего высказывания, выводит его эмотивность на передний план. Например, высказывание *Pfui wie du gehst!*, выражающее, в первую очередь, отрицательную оценку походки адресата и недовольство, граничащее с отвращением (ср. *Pfui, ist das dreckig!* или *Pfui, was für ein Säufer!*), превращается при элиминировании междометия в восклицательный (скорее положительный, чем отрицательный: *Wie du gehst!*), который аффективно показывает отклонение действий адресата от нормы.

Обращение. Маркером реляционного смысла, показателем отношения говорящего к адресату является обращение, которое, не неся лексической информации, является, тем не менее, прагматически информативным в той мере, в какой оно отклоняется от нормы – любое отклонение от шаблона несет новую информацию индексального характера. Иными словами, «нестандартное обращение заставляет адресата искать причины такого речевого действия и формулировать их в терминах прагматической интерпретации» [5, с. 194].

Стандартные общие социальные обращения (*Herr, Frau*) являются универсальной формой этикетного контакта равных или неравных по статусу людей и знаком общения на социальной дистанции, в признаке такой статусной репрезентации, в возвышении партнера проявляются нормы вежливости. Специальные социальные обращения приняты по отношению к лицам, занимающим престижные должности в различных общественных подсистемах (*Ihre/Eure Majestät, Herr Professor*). Стандартные обращения имеют тенденцию к грамматикализации, выражающейся в том, что такие

слова произносятся всегда в безударной позиции и становятся своего рода морфемами вежливости. Нарушение правил употребления социальных обращений свидетельствует либо о низком социальном статусе говорящего либо о сознательном намерении обидеть, задеть адресата.

Обращения способствует также созданию определенного эмоционального контекста: человек, выражая свое субъективное отношение к кому-либо, не только дает ему оценку, но и испытывает при этом самую разнообразную гамму чувств (положительных или отрицательных). Если говорящий особенно заинтересован в том, чтобы повлиять на поведение собеседника в желаемом для него направлении, он, как правило, придает своей речи аффективную окраску, употребляет личностно-аффективные формы обращения (комплиментарные или инвективные вокативы). В этом случае функция обращения состоит не столько в привлечении внимания и назывании собеседника, сколько в характеристике собеседника, выражении своего эмотивно-оценочного отношения к нему.

Синтаксические операторы порождения эмотивного смысла.
Выражение эмотивности обуславливает наличие разнообразных структурных моделей предложений, характеризующихся расширением за счет включения усилительных слов, необычным порядком слов, опущением отдельных элементов предложения. Примером функционирования эмоционально окрашенных синтаксических конструкций являются неполные структуры, которые, используя схемы полных предложений, выражают содержание, вытекающее из логических отношений членов синтаксического ряда, часто даже большее по сравнению с ним. Это связано с тем, что в процессе формирования высказывания на семантику предикативного минимума под влиянием контекста, речевой ситуации и в соответствии с интенцией говорящего наслаиваются самые различные коннотативные значения. Например, используя высказывание *Du bist einfach...!*, соответствующее полному предложению *Du bist einfach gemein/wunderschön!*, говорящий выбирает более удобную, экспрессивную, лаконичную модель, которая

может функционировать в речи наравне с полной как единица языковой системы, так как для адресата восстановление «производящей» модели для понимания семантики не составит большого труда. Смысловая полнота высказывания в этом случае выражена имплицитно и допускает мысленную экспликацию, возможности которой заложены на глубинном уровне его смысловой структуры. Более того, благодаря возможным вариантам достраивания невербализованных компонентов предложения и различной степени определенности каждого из типов значения (например, отрицательной или положительной оценки), можно сказать, что информативность неполного высказывания с эксклюзивным невербализованным смыслом часто больше, чем у высказываний с конкретизированным содержанием, поскольку адресат с развитым воображением и широкими знаниями воспринимает дополнительные окказиональные имплицированные смыслы, возможные фигуры речи, более «богатое» содержание.

Исключительно важным оператором порождения эмотивного смысла является специфический – эмфатический – порядок слов, выбираемый говорящим для выражения своих эмоций по поводу сообщаемой информации. Очень тонкие нюансы смысла определяет актуальное членение предложения, варианты которого выделяют, усиливают коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляют, редуцируют менее значимые. Ситуативные (субъективные) приоритеты нарушают реализацию типового коммуникативного намерения, придавая престижный, выделенный статус (препозиция в высказывании) ситуативно важным элементам. Ситуативно менее важные, периферийные элементы могут частично или полностью редуцироваться, престижные же реализуются в максимально развернутой форме, занимают акцентно-выделенную позицию. Например, нетипичное местоположение рематического центра высказывания модифицирует его смысл, выводя в приоритетную позицию эмотивный компонент, эмоциональную оценку предмета речи: *Schultern hatte das*

Mädchen, Schultern! Und Beine! (Weißkopf) – эмоционально детерминированная препозиция объектного предиката является оператором выражения подчеркнуто эмоциональной оценки экстраординарных внешних данных обсуждаемого лица. При традиционном расположении элементов высказывание теряет эмотивность и превращается в странную констатацию наличия определенных частей тела у предмета речи: *Das Mädchen hatte Schultern. Und Beine.* Такое высказывание имеет смысл только при наличии специального контекста.

Названные операторы порождения эмотивного смысла высказывания редко представлены в высказываниях в одиночестве, они, как правило, накладываются и взаимодействуют в процессе порождения смысла, дублируя друг друга, повышая эмотивную «плотность» высказывания. Многие из этих операторов многофункциональны – эмоциональный, оценочный и реляционный смыслы порождаются одними и теми же операторами; их позиционирование в разных отрезках высказывания модифицирует общий смысл, «чеканит» его новые лики. Знание этих операторов указывает адресату путь для понимания всех смысловых нюансов и перспектив и адекватной интерпретации всех актуализированных в речевом акте элементарных смыслов.

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: URSS, 2003. – 230 с.
2. Вольф Е.А. Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2006. – 261 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на м-ле французского и русского языков. – М.: Международ. отношения, 1977. – 264 с.
4. Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 194 с.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333 с.
6. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов

в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления // Проблемы семантики – Новосибирск: НГУ, 1986. – 98 с.
8. Телия В.И. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
9. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 165 с.
10. Keller R. Kollokutionäre Akte // Germanistische Linguistik. – 1977. – Nr. 1-2. – S. 3-50.